18+

ИГОРЬ ШПИНЕВ

СВИДЕТЕЛЬ 2.0

18+ ЗАПРЕЩЕНО ДЛЯ ДЕТЕЙ!

Игорь Шпинев

Свидетель 2.0. 18+
Запрещено для детей!

«Издательские решения»

Шпинев И. В.

Свидетель 2.0. 18+ Запрещено для детей! / И. В. Шпинев — «Издательские решения»,

Он родился между моргом и кочегаркой, и первый звук, который он издал, был не плач, а вой. Его жизнь, это череда ударов и попыток выжить. Эта книга о человеке, который прошел через то, о чем не принято говорить. Через боль, которую не выбирают. Через зависимость, которая обещает выход и не дает его. Это история о том, как человек из осколков собирает не «новую жизнь», а себя настоящего.Книга содержит сцены насилия, суицидальных мыслей, алкогольной и игровой зависимости. 18+ Запрещено для детей!

© Шпинев И. В.
© Издательские решения

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР 6
Роман. Свидетель 2.0 11
Пролог 12
Часть первая. Низкий медный звук 15
Глава 1. Сибирь. 1980 — 1981 годы 15
Глава 2. Пляска святого Вита. 1982 год 20
Глава 3. Бурятская АССР 1983 год 26
Глава 4. Хотошо. 1984 — 1985 годы 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Свидетель 2.0
18+ Запрещено для детей!

Игорь Валерьевич Шпинев

© Игорь Валерьевич Шпинев, 2026

ISBN 978-5-0071-7946-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДИСКЛЕЙМЕР

ВНИМАНИЕ. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О СОДЕРЖАНИИ. 18+ Запрещено для детей!

Настоящее произведение является художественным вымыслом.

Это не документ, не свидетельство, не реконструкция и не исповедь.

Все события, персонажи, имена, фамилии, названия, организации, учреждения, государственные органы, медицинские и психиатрические практики, судебные и следственные процедуры, должностные лица, звания, даты и любые иные элементы текста являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, событиями, местами, учреждениями и институциями случайны и непреднамеренны. Упоминания реальных лиц, географических названий и музыкальных групп используются исключительно как культурный и исторический фон и не являются утверждениями об их жизни, деятельности или характеристиках. Цитирование текстов песен приведено в объёме, оправданном художественным замыслом; права принадлежат правообладателям, автор не присваивает авторство и не искажает факты.

18+. Запрещено для детей. (В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 12 Федерального закона №436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

Распространение произведения среди лиц, не достигших 18 лет, запрещено.

Текст предназначен исключительно для взрослой аудитории, достигшей возраста, установленного законодательством страны проживания читателя.

Произведение содержит (в том числе в натуралистической форме) сцены физического, психологического и эмоционального насилия (включая насилие над детьми), жестокости, самоповреждений, суицидальных мыслей, попыток самоубийства и их последствий, алкогольной и иной зависимости, употребления алкоголя и табака, психических расстройств и состояний (включая ПТСР, депрессию, тревожные расстройства, последствия травм), утраты, горя и несправедливости, а также иные тяжёлые и потенциально травмирующие эпизоды.

Читатель должен осознавать это до начала ознакомления с текстом.

Автор настоятельно рекомендует воздержаться от чтения беременным женщинам, а также лицам с повышенной эмоциональной возбудимостью, неустойчивой психикой и склонностью к глубокому сопереживанию. Описанные сцены способны вызвать сильные эмоциональные реакции и усугубить тревожное состояние. При необходимости обратитесь за поддержкой к квалифицированному специалисту.

Берегите себя и своё душевное равновесие — эта книга не стоит риска.

Автор категорически осуждает суицид, самоповреждение и любое саморазрушительное поведение.

Произведение является прямой антипропагандой суицида: оно не романтизирует, не героизирует и не оправдывает самоубийство, не содержит призывов, инструкций, пошаговых руководств или аргументов в пользу совершения самоубийства. Автор не описывает способы совершения самоубийства и не представляет суицид как решение каких-либо проблем.

Описания суицидальных мыслей, попыток и их последствий приведены исключительно для раскрытия трагедии персонажа, демонстрации разрушительности этих состояний и формирования у читателя осуждающего и сочувственного отношения к проблеме.

Произведение не содержит призывов, инструкций, пошаговых руководств или иных материалов, побуждающих к причинению вреда себе или другим.

Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а также их незаконный оборот запрещены и влекут ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Автор не пропагандирует, не романтизирует и не одобряет употребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, алкоголя и табака. Автор не описывает способы изготовления, дозировки или употребления таких веществ и не даёт соответствующих инструкций. Упоминания алкоголя и табака носят иллюстративно-осуждающий характер и служат изображению негативных последствий зависимости и саморазрушительного поведения. Все сцены употребления алкоголя и табака являются частью художественного замысла и не содержат положительных оценок или побуждений к повторению.

Автор напоминает о вреде алкоголя и табака для здоровья.

Автор не является медицинским работником, психиатром, хирургом, юристом, следователем, судьёй или иным специалистом в сферах, затрагиваемых в тексте. Все описания психологических состояний, психиатрических диагнозов, медицинских манипуляций, хирургических вмешательств, фармакологии, анатомии, физиологии, а также юридических и следственных процедур являются художественной условностью. Они не отражают реальную медицинскую, юридическую или иную профессиональную практику, не должны восприниматься как достоверные, справочные, образовательные или инструктивные материалы и не могут быть использованы в качестве руководства к каким-либо действиям в реальной жизни.

Все описания психиатрической больницы, её отделений, персонала, пациентов, диагностических и лечебных процедур являются художественным вымыслом. Автор не имел доступа к реальным историям болезней, медицинским картам, служебным документам или персональным данным пациентов. Сведения, которые могли бы составлять врачебную тайну, в тексте отсутствуют; все детали созданы воображением и не могут быть использованы для идентификации какого-либо реального лица. Любые совпадения с реальными учреждениями, процедурами, диагнозами и людьми случайны и непреднамеренны.

Все географические объекты, упомянутые в тексте, либо полностью вымышлены, либо используются исключительно как условный фон. Реальные названия регионов, городов, стран, улиц, рек, гор и иных природных и административных объектов не означают, что описанные события, учреждения, здания, маршруты, их расположение и характеристики соответствуют действительности. Автор не утверждает, что где-либо существовали или существуют описан-

ные роддома, воинские части, посёлки, бани, больницы, школы, магазины и прочие объекты. Читатель не должен использовать текст как источник географической, топографической или краеведческой информации.

Автор с уважением относится ко всем народам, их культуре, верованиям и религиозным традициям. Описания шаманских обрядов, ритуалов и любых религиозных практик в тексте являются художественной условностью, созданы воображением автора и не претендуют на этнографическую, историческую, культурологическую или религиозную достоверность. Они не изображают реальные обряды, не воспроизводят подлинные ритуалы, не содержат инструкций, не пропагандируют и не дискредитируют какие-либо верования, религиозные институты или духовные практики. Автор не призывает к их повторению и не утверждает, что они способны на что-либо повлиять.

Автор заявляет, что в произведении не разглашаются и не используются сведения, отнесённые к государственной тайне, а также иные охраняемые законом тайны (включая медицинскую, врачебную, служебную, профессиональную, коммерческую и семейную). Все описания армии, воинских частей, военной службы, медицинских учреждений, психиатрических практик, диагностики, лечения, а также любые упоминания о пациентах, врачах, военнослужащих и иных лицах являются художественным вымыслом и не содержат реальных данных, документов, фактов или персональной информации. Они не нарушают тайну частной жизни, медицинскую тайну, тайну следствия или иную охраняемую законом информацию. Автор не имел доступа к охраняемым сведениям и не использует их.

Автор подтверждает, что при создании текста могли использоваться исключительно общедоступные источники информации: открытые справочники, энциклопедии, классификаторы (включая МКБ), научно-популярные публикации и иные материалы, находящиеся в свободном доступе. Однако любые описания диагнозов, симптомов, процедур, военной службы, медицинских и психиатрических практик являются художественной обработкой и не воспроизводят реальные истории болезней, служебные документы или частные случаи. Автор не приводит и не использует конкретные коды, шифры или идентификаторы из классификаторов; любые возможные совпадения с ними носят случайный характер и не являются ссылкой на реальные медицинские или иные официальные документы. Использование открытых источников не означает, что описанное в книге основано на реальных событиях, и не свидетельствует о доступе автора к охраняемой информации.

Все персонажи произведения являются собирательными художественными образами. Они не списаны с конкретных лиц, а созданы воображением автора путём обобщения и художественного вымысла.

Автор намеренно не описывает внешность персонажей, не указывает их фамилии, точные адреса, номера учреждений и иные идентифицирующие признаки, чтобы исключить любую возможность соотнесения персонажа с реальным человеком. Отсутствие таких описаний является осознанным художественным приёмом, а не упущением.

Все мнения, оценки, характеристики и суждения, высказанные персонажами или рассказчиком, являются субъективными и не представляют собой утверждений о фактах или мнения автора.

Они отражают точку зрения персонажа в конкретный момент повествования и не должны восприниматься как авторская позиция или как сведения, соответствующие или не соответствующие действительности.

Сцены физического и психологического насилия, а также описания суицидальных мыслей и попыток служат исключительно целям раскрытия характеров персонажей и развития сюжета.

Они не являются инструкцией, руководством, пропагандой или одобрением описанных действий.

Автор не ставит цели побудить читателя к каким-либо действиям, описанным в тексте.

Автор не пропагандирует и не оправдывает аборт. Упоминание аборта в тексте является частью художественного замысла и служит изображению травмы, жестокости и несправедливости, а не призывом, одобрением или формированием положительного отношения к отказу от рождения детей. Автор с уважением относится к жизни и считает аборт трагедией, а не решением.

Автор не утверждает, что описанные события имели место в реальности. Любое сходство с реальными событиями, местами, учреждениями или людьми случайно и непреднамеренно, даже если кто-либо усматривает в тексте совпадения с собственным опытом. Читатель, узнавший себя в каком-либо персонаже, должен понимать, что это его субъективное восприятие, а не указание автора на реальное лицо.

Автор не несёт ответственности за психологическое, эмоциональное, душевное или иное состояние читателя, возникшее до, во время или после прочтения.

Если вы узнали себя, не молчите — это не слабость.

Телефоны доверия:

· **8-800-2000-122** Детский телефон доверия. Круглосуточно, бесплатно, анонимно. Для детей, подростков и родителей.
· **8-800-333-44-34** Круглосуточные экстренные консультации психолога (бесплатно по России).

Решение открыть эту книгу — добровольный и осознанный выбор каждого, сделанный под личную ответственность.

Читатель самостоятельно оценивает свою готовность к содержанию и принимает все возможные последствия.

Читайте бережно к себе — и только если действительно готовы.

Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью!

© Шпинев И. В., 2026 год.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

Роман-свидетельство. 18+ Запрещено для детей!

Внимание! Произведение содержит сцены насилия, жестокости, суицидальных мыслей и употребления алкоголя. 18+ Запрещено для детей!

Строго: Перед прочтением обязательно прочесть **Дисклеймер!**

Роман. Свидетель 2.0

18+

Январь месяц Праздника.

Месяц неисполненных поручений, данных себе в декабре.

Перманентное чувство вины.

Взглядом в разные стороны смотрят обещания и выполнения, как лица двуликого Януса.

Так вот и причина, древние Римляне и их Янусы — Январи.

Потом понедельники, первые числа месяца, Дни рождения, мы продолжаем обещать, а подсознание записывать.

Бесконечное чувство вины живёт неотделимой тенью с человеком всю жизнь.

Терзает, мучает, забирает силы и энергию.

Утром, когда открываешь глаза, чувство вины делает его поганым.

Ходит человек по миру и думает, что не так?

И даже пытается пробовать, снова бросает.

Чувство вины наслаивается на предыдущее.

Страх неопределённости смеётся над человеком в голос.

— Куда ты стремишься? — спрашивает страх неопределённости человека — сейчас тебе так хорошо, а изменишь что-то, и неизвестно, как оно там сложится — сквозь смех продолжает он.

Страх умалчивает об одном обстоятельстве, за поворотом секундной стрелки всегда ждёт неопределённость.

— Что делать? — в слезах и растерянности взывает человек к небу!

Пролог

Незримым погонщиком навьюченные тюками торговцев верблюды-облака медленно тащились по небу.

Ноябрь. 1979 год.

Время перехода.
Время прощания с теплом.
Время приготовления к морозам.

Облака остановились, полил дождь, ледяной, острыми каплями, врезавшийся в асфальт и крыши домов.

Одной из них была крыша роддома небольшого города в Поволжье.

Провинциальный городок, одинаково серый с любого ракурса, утыканный однотипными домишками, каких щедрой рукой раскиданы по Советскому Союзу всюду.

Мой отец был военным, потому и путешествовал по стране, как перекати-поле.

Окна роддома, между рамами которых паук сплел себе паутину, выходили на кочегарку и морг.

Здания серые, неуютные, заляпанные от времени, с отвалившимися кусками стен.

В трещинах фасада вырос мох; здания выглядели уныло.

Дым, густой, едкий, как и отвалы шлака, создавал атмосферу заброшенности, ненужности этого места.

Облепившие провода вороны мерзко каркали, что-то делили, внезапно срывались с места, кружили и возвращались обратно.

Небесная вода разливалась огромными лужами и норовила затопить всё вокруг.

Здесь я и родился.

Увидел впервые мир глазами и услышал его звуки.

Унюхал вонь кочегарки и морга.

От акушерки пахло хлоркой и сигаретами.

Мать говорила, что я не плакал, а выл, как загнанный в западню зверь.

Вой, громкий, монотонный, протяжный до хрипоты ещё не полностью сформировавшихся связок.

— Какой хорошенький, — акушерка трясла меня, вертела в руках. — Упитанный, на четыре килограмма тянет точно.

Взвешивая меня в руках, как кусок говядины на рынке, она подошла к кушетке.

Положила меня к матери на грудь.

Мне стало тепло.

Испытывая отвращение, сославшись на усталость, попросила убрать с неё это.

Акушерка внимательно посмотрела, мать не удостоила её взглядом.

Меня сняли с груди, обмыли и запеленали в холодную, грубую ткань.

Жизнь встретила морозом и вонью.

Вороны за окном не прекращали каркать, не обращая внимания на ледяной дождь.

Как стервятники около измученной добычи, кружили над роддомом.

Поместили в кювез, собирались отвезти, но я сопротивлялся и оцарапал руку, оставив хорошо видную полосу.

Меня успокоили, царапину помазали йодом.

Метку было видно хорошо, о чём сразу сообщили матери.

Медсестра понесла по длинному коридору, где было открыто окно.

Из окна донесся лай собак, порванными бусами о пол, он разливался по всей площади.

Звук отскакивал от стен, множился, превращаясь в воображении в свору голодных, бешеных псов, гнавшихся за добычей.

Медсестра напряглась и разволновалась. Был ли тому причиной страх перед собаками, не знаю, но она перепутала бирку с другим ребёнком.

Когда принесли кормить, мать не обнаружила царапины.

Она посмотрела на медсестру, медленно поднимая глаза.

Поиск был непродолжительным, так я не попал в другую семью благодаря собственным рукам.

Позже, разозлившись, мать вывалила в лицо:

— Ты был зачат в период месячных, я хотела сделать аборт, и ты нежеланный ребёнок.

Я запомнил это на всю жизнь. Не как правду о себе, а как её боль, которую она не смогла удержать. Она сказала это в гневе. Я не знаю, жалела ли она потом. Но я жив. И это уже достаточно.

Царапина стала первым случаем в начинавшейся жизни.

Вселенная управила так, что обязан был родиться вопреки и остаться в этой семье.

Отец пришёл позже, с улицы, стоя под ледяным дождём, в промокшей военной форме, кричал о любви, празднике и счастье.

Мать выставила меня на показ, жестом приказала ему уйти.

Он ещё постоял немного и ушёл.

— Невелико событие: ребёнка родить. — Закрывая занавеску, процедила мать.

Отец терпел, это его врождённая черта: терпеть.

Изживал её из себя десятки лет.

У матери я был вторым ребенком.

Отец стал впервые владельцем и защитником новой жизни.

Сестра катала меня в коляске. Играла со мной, как с куклой. Ей было шесть лет.

Чтобы оградить от трудностей и несчастий, ожидающих нас, её позже увезут к бабушке по маминой линии в Ярославль.

Мы встретимся осознанно через почти четыре года.

Обездвиженный лежал и смотрел вверх.

Покрытый трещинами потолок предвещал извилистый путь, который только открывался мне.

Я привыкал.

Часть первая. Низкий медный звук

Глава 1. Сибирь. 1980 — 1981 годы

— Дима, ты поедешь один. Мы с Ёжиком останемся пока здесь. Когда обустроишься, пиши.

— Нина, поедем сразу, там на месте всё решим.

— В зиму, в мороз? Ты даже не знаешь, где мы будем жить.

— Дадут жильё на месте, на улице не оставят. Как вы потом сами доберётесь?

— Встретишь нас в городе.

— Если не отпустят?

— Тогда и будем решать, Дима. Сейчас мы остаёмся, зиму переждём, весной приедем к тебе.

Тянулись чемоданы, контейнеры и жены.

В места, где жизнь отличалась от европейской части самобытностью, на пределе возможности суровыми условиями жизни.

Мы летели до города, потом на перекладных до нового места службы.

По дороге первый раз увидел реку, с двух сторон защищённую крутыми утесами, сопки.

Часть стояла в глухой тайге, до ближайшей деревни несколько километров.

Сообщением между частью и деревней служила лошадь с телегой летом, зимой с санями.

Сама часть была расположена на острове посередине болота, к ней шли мостки из деревянных досок.

Вся часть состояла из нескольких строений и бани.

Семьи офицеров жили в четырёх одноэтажных домах со смежными стенами.

Два внутренних дома были пригодны для жизни, внешние дома по сторонам утепляли зимой всем, чем только могли.

Для вновь прибывшего офицера выделили железную бочку.

Туда мы и заехали весной 1980 года.

Когда мать увидела бочку, остановилась, долго смотрела на неё.

Приподняла глаза, покачала головой и сделала долгий выдох.

В бочке летом было очень жарко и душно, она раскалялась, весь жар шёл внутрь.

Я задыхался, плакал, всем видом показывал, как утомительно жить в этом месте.

Настала осень, первые дожди сменились градом, как-то быстро и незаметно, снегом.

Бесконечно сыплющимся с неба снегом, который завалил и вход в нашу бочку, и саму часть.

Солдаты вырывали ходы для перемещения по территории.

Мыться все ходили в одну баню.

Она находилась посередине между частью и жилой зоной.

Зимой в бочке было невероятно холодно.

Печка-буржуйка спасала, мы ютились около неё всю зиму.

В проходе между камерами бочки висела картинка, сделанная из соломы с мотивом, смысл которого я не мог понять, но запомнил на всю жизнь.

— Нина, собирай вещи, мы переезжаем в дом.

Весной 1981 года долго не теплело. Отец, запорошённый снегом, отряхивался в дверях.

— Наконец-то, ещё зиму в бочке я бы не выдержала.

— К сожалению, крайний.

Он пожал плечами, сильно вдохнул через нос, немного расширив глаза.

— Ой, всё лучше, чем здесь. Ёжик весь замёрз в этой железяке.

Мать махнула рукой.

После Диогеновской бочки дом показался невероятно тёплым, уютным.

Пошёл я рано, около восьми месяцев, ещё в бочке.

Сейчас трудно сказать, почему так рано встал на ноги.

Может быть, ощутил бесперспективность этого места, захотел убежать в тайгу, подальше от людей, к волкам.

Убежать из места, где медведи и рыси гуляли под окнами.

Как бы там ни было, к двум годам бегал по хозяйству части, изучал местность.

Больше всего нравился свинарник и небольшое стадо коров.

Солдаты сажали на свинью, я с воплями ехал на ней, пока она не скидывала.

Так могло продолжаться долго, пока солдатам не надоедала эта игра.

В части было двое детей, поэтому нас развлекали все, кто хотел и мог.

С коровами отношения были палководческими, это не опечатка, я брал палку, бежал на них, как рыцарь атаковал крепость.

Конечно, они не боялись и могли задавить копытом, но не делали этого, двигались в сторону при моём приближении.

Иногда они смотрели на меня с грустью в глазах.

Летом 1981 года я схватил палку, направился к стаду.

По какой-то причине молодой бык отреагировал на мой приход агрессией, он попытался подцепить меня рогами.

Его, как мне показалось, каменные рога сильно давили на кожу.

От быка пахло навозом, звериным потом, он терся мощным лбом об меня.

Его мелкие острые волосы впивались в кожу.

Недалеко стояла одна из жён офицеров, она подбежала, отогнала быка.

До этого момента я был бесстрашным, свободным человеком.

Почти два года беззаботного детства, это роскошный подарок.

Отныне коровам грозил палкой с почтительного расстояния, на что они также продолжали не обращать внимания.

В это лето произошло ещё одно событие.

Как уже упоминал, стояла баня, возле неё вырыли небольшое озеро и построили помост со спуском, чтобы можно было постирать или окунуться после банных процедур.

В один из дней моё путешествие уперлось в этот помост, подойдя к краю, присел на лесенке у воды, чтобы рассмотреть красивого, большого жука.

Он плыл по своим делам, не догадывался, что человеческий детёныш захочет его поймать.

Что и случилось, я его поймал, будучи уже в воде, потянувшись за ним, потерял равновесие, головой ушел под воду.

В воде всё перепуталось, не понимал, где небо, где дно.

Ещё немного я бы захлебнулся.

Пришлось бросить добычу, спасать жизнь, плавать не умел, стремительно пошел ко дну.

Меня схватили сильные руки, вытащили на берег.

Подбежали женщины, бросив стирку, повели домой.

Близость смерти оказала неизгладимое впечатление, испугался, но удивительно то, что детская психика переработала это очень странно.

Я не думал о том, что мог умереть, не боялся после этого воды, однако всем существом страдал от того, что упустил красивого, большого жука.

Долго потом ходил на помост и смотрел в водоём в надежде увидеть жука снова.

Увы, жук больше не появлялся.

Зимой случилось нам с матерью идти в баню.

Что понадобилось делать там утром в мороз, не знаю, мать замешкалась у двери, чтобы я не мёрз, открыла дверь в баню.

Я зашёл в предбанник, а дверь в саму баню была приоткрыта, любопытство победило, не дожидаясь матери, вошёл в полумрак бани.

Сначала ничего не понял, вглядывался в полумрак помещения, где посередине висело что-то бесформенное.

Подошёл ближе, оно превратилось в очертания человека, окоченевшего от стужи, выглядел он как фарфоровая кукла.

Зашла мать.

— Ёжик, что там?

Она моментально всё поняла.

Судя по всему, это явление было не таким уж и редким.

Приблизилась ко мне вплотную.

— Смотри внимательно на него. Это труп. Он мёртвый. Не бойся. Потрогай его.

Смотрел с интересом и ужасом.
Приказ «не бойся» работал слабо.
Начинал трястись, немного попятился.

Через некоторое время приблизился и слегка коснулся его ледяной руки, тут же отдернул руку.

— Мамочка, он обжигает холодом, как сосулька.

— Ничего. Запомни, он не опасен. Опасны живые.

Её слова, как строитель, густо замазали щель в моей голове, через которую могла выскочить мысль.

Почувствовал, что мне страшно жить, ведь люди вокруг бани живые.

И только здесь безопасное место, спокойное, рядом с матерью и висящим трупом.

Глава 2. Пляска святого Вита. 1982 год

Произошедшее в бане впечаталось в мою память.

Январь 1982 года сжимал в тисках наше пристанище, температура держалась под минус сорок.

Мир уравновесил температуру за окном моими плюс тридцать восемь.

Я заболел скарлатиной.

Меня бил озноб, тело покрылось пятнами, горло болело так, словно выпил раскаленный металл.

Отец отправился за лекарствами.

Сильная метель сбивала с пути.

Дорогу занесло, отец с трудом делал следующий шаг в сторону деревни.

В тулупе, замотанный шарфом, сквозь небольшие щели он всматривался в дорогу.

Добравшись, договорился на гужевой транспорт, долгое время ехали в город.

Его всё не было, меня отпаивали какими-то травами, нашли антибиотики.

Температура подбиралась к тому месту, где цифры термометра уже заканчивались.

Без помощи врачей, в дремучей тайге, моя жизнь снова была на грани.

Отец приехал изможднный, в мороз несколько суток до города, поиск врача, покупка лекарств, обратная дорога измучили его.

Он переступил порог, отдал лекарства, упал на кровать без сил, спал почти сутки.

Постепенно болезнь отпускала.

Прошли пятна, температура спала, но горло не проходило долго.

Мать всё это время сидела у постели, почти не спала.

Меняла полотенце на голове, предпринимала всё для моего выздоровления.

Её не было рядом, когда меня пытался боднуть бык, когда тонул, она работала в местном подобии магазинчика.

На неё давили условия быта, хотелось бросить меня, мужа и уехать из этой дыры.

Молодая женщина была вынуждена бороться с вызовами, которые в разы были сильнее её способностей.

Желание контроля ситуации, молодость, ставка на отца, желание победить, заставили бороться.

С неустроенностью, суровыми бытовыми условиями, выгрызать миллиметры удобства, спасать своего сына, свой проект.

Я выздоровел, из дома не выпускали, звери часто приходили в часть из тайги, и прогулки были опасны.

Они ходили вдоль забора, пытались наладить связь ради еды.

Нередко волки выли у домов.

Был случай, когда медведь, пришедший в часть, просил вытащить занозу.

Смелость одного офицера спасла лапу зверя, и он ушел в тайгу.

Он не пытался напасть на человека, вытерпел боль и, уходя, махал головой.

Мать приходила чуть раньше отца, но большую половину дня был в доме один.

Однажды мать позвала меня на кухню, она была отгорожена от комнаты дверью, которая закрывала нижнюю половину проёма и запиралась на засов.

— Ёжик, иди сюда.

Пришел на кухню.

— Подойди к печи, — сказала она.

Послушно подошёл, от неё дышало жаром.

Возле печи лежала кошка — Килька и кот — Дылда.

Кличку Дылда получил за невероятно длинное тело для кота.

— Дотронься до печи.

Она указала пальцем.

Дотронувшись, я крикнул.

Боль молнией пронеслась от руки к мозгу, я отбежал.

В воздухе запахло палёной кожей.

Я плакал до одного года.

После лет до четырёх дулся, обижался, но ни одной слезинки.

Было очень больно, дул на пальцы, смотрел на мать.

— Никогда не подходи к печи, — ровным тоном произнесла она, смотря в упор.

— Это опасно и больно.

— Вот спички, — взяла коробок и потрясла им перед моим лицом, — от них во много раз больнее.

— Еще больнее, чем от печки? — спросил я.

Продолжал дуть на палец, ожог появился быстро.

— Да, ещё сильнее.

Что она испытывала в тот момент?
Было ли это жестокостью или страхом? Я знаю только, что запомнил боль.

Но с тех пор мать с отцом спокойно уходили на работу, запирая меня в комнате.

Однажды нашел швабру, встал на стул, свесившись на двери, палкой открыл засов.

Дверь на кухню распахнулась, печь всегда была натоплена, дрова ещё горели.

Килька подбежала, оттесняла обратно в комнату.

Дылда лежал, лениво смотрел на действия Кильки и на меня.

Пошёл на кухню, встал у печи, смотрел на огонь, ощущал, что он живой и опасен.

Килька ходила вокруг меня кругами, явно проявляла волнение.

Дылда выглядел озабоченным шорохом на чердаке, где были крысиные гнёзда.

Только запах кошек не позволял грызунам спускаться на кухню.

Мать вернулась, увидела картину: сижу на полу, смотрю на огонь, дверь открыта, отвела в комнату, ничего не сказала.

С этого дня дверь не закрывали на засов, не боялись, что сожгу дом.

Гулял в комнате и по кухне.

В два с хвостиком года стал самостоятельным.

Настала календарная весна, это продолжение зимы, мороз, снег, только надпись — март.

В один из дней природа успокоилась, морозы спали, снег не падал, а небо посветлело.

Почувствовал, что под кожей бегают мурашки.

Посмотрел на себя в поисках насекомого, но никого не увидел.

Щекотно было изнутри, хотелось почесаться, но это не помогло бы, так как эпицентр был глубоко под кожей.

Играл на полу, собирал кубики, строил дом.

Вдруг дёрнулась рука, и кубик, который хотел поставить на самый верх, ударился о другие, развалил весь дом.

— Мамочка, что это? — побежал к матери. — Мне очень страшно.

Мать опешила, смотрела на меня, ничего не понимая.

Из ступора она вышла через несколько секунд.

Тихо сказала, не мне, в пустоту:
— я не знаю.

С этого дня развалились все остатки спокойной жизни в нашем доме.

Сначала задергались руки, плечи, потом болезнь распространилась на все тело.

Не мог держать ложку, нормально ходить, одеваться, даже справлять естественную нужду.

Невидимый хозяин дергал меня за нитки, как марионетку.

Тело совершенно не хотело слушаться, не мог сосредоточиться ни на чем, потому что хорея отнимала всё внимание и силы.

— Его нужно везти в город.

— Я не могу этого сделать, меня не отпустят со службы.

— Я поеду сама.

Наши соседи: Алексей был командиром, Зина, его жена, спасшая меня от быка.

Алексей не отпустил отца, но договорился со своим другом, что мать и меня на вертолёте подбросят ближе к областному городу, когда будет возможность.

Возможность появилась через месяц.

На повозке до деревни, потом до города на перекладных до вертолёта.

Вертолёт гудел так, что я не понимал, где мир, если закрыть глаза — грохот забивал все звуки.

Лопасти рассекали пространство, машина летела неровно, меня укачало.

Всю дорогу нам попадались люди, которые тыкали в меня, смеялись, как над диковинной зверушкой, что так весело дергается.

Мы зашли к врачу.

Не поднимая взгляда, он начал говорить.

— Здравствуйте. На что жалуетесь?

— А вы глаза поднимите.

Процедила мать сквозь зубы.

Он медленно поднял взгляд от бумаг, посмотрел на неё, перевёл взгляд на меня.

— Как давно это с ним?

— Второй месяц.

— Хорея — это нервное заболевание.
Были случаи, когда ребёнок сильно испугался?

— Да, его бык напугал и ещё был случай, когда чуть не утонул.

Доктор сел ровно, расправил плечи.

— Вот и причина. Я выпишу рецепт, станет легче.

— У него ещё скарлатина была.

Доктор помахал перед собой рукой, через его пальцы был виден то нос, то глаз.

— Скарлатина не имеет отношения к делу.

Он выписал рецепт, который был бесполезен, мы вышли.

— Смотри, смотри, дёрганый, — кричали вслед пацаны на улице города, когда возвращались обратно в часть.

Страх. Боль. Унижение. Смерть.

Мне не было трёх.

— Опасны живые! — нарастало в голове и подкреплялось воспоминаниями о направленных в меня пальцах с криками об уродстве.

Это были только семена, проросло позже.

Глава 3. Бурятская АССР 1983 год

Солдаты жалели, некоторые шутливо вызывали на арм-рестлинг и проигрывали, другие давали сладости, третьи старались веселить.

Зина от большой любви и желания помочь науськивала меня идти драться с другим ребёнком в части.

Чем незамедлительно шёл заниматься.

На потеху всем в этой глухой дыре огромной страны выполнял поручения людей вокруг.

У кровати лежала шкура медведя.

Я очень любил лежать на ней, восторгался величиной когтей и придумывал игры с воображаемым зверем.

Иногда подползал под шкуру, за что ругали, и воображал себя медведем, который победит и хорею, и злых людей.

Рычал, тащил тяжёлую шкуру и без сил падал на деревянные доски пола, убеждал себя, что всех победил.

В апреле 1983 года отца переводили в степь.

Он поехал первым, через два месяца мы отправились в путь.

Из города на АН-24 мы вылетели в пункт назначения.

Самолёт летел так низко, что можно было видеть ландшафт в мельчайших подробностях.

Вжался в иллюминатор, смотрел на великую страну и её природу.

Внизу появились озера разных цветов.

Розовые, потом голубые, белёсые.

— Мама, что это? Почему они разноцветные?

— Не знаю, Ёжик.

Потом объяснили, что это были солёные и пресные озера.

Приземлившись в городе, мы встретились с отцом.

Он стоял и ждал нас, когда мы вышли из двери, сразу посмотрел на меня.

Я почувствовал, что он ждал именно меня, не свою жену с ребёнком, а только меня.

Побежал к нему, обнял, схватил за сильную ногу и не отпускал.

Подошла мать, что-то фыркнула, и мы пошли за отцом.

Он повёл нас к огромной машине КРАЗ.

Я обошёл это чудище, испугался от названия, потом долго строил рожицу и говорил встречающимся людям: КРАЗ.

Мы сели в машину, поехали в степь.

Отец сказал:

— Когда на горизонте появится ангар, то мы уже недалеко.

Через некоторое время, когда кончилась хорошая асфальтированная дорога, ехали по колее в степи, появился ангар.

Мы очень обрадовались.

Тряска, неудобство салона стали настоящим испытанием.

Окна были закрыты, но пыль была в салоне, мешала дышать.

Машина ревела, мощными колёсами давила степь.

До ангара мы ехали ещё несколько часов.

Никогда не видел места, где нет ни одного дерева, где сила ветра чувствовалась в таком монстре советского машиностроения, где объекты казались рядом, но были бесконечно далеко.

После сибирской тайги, раскидистых лап деревьев, после сопок, каменистых берегов и больших рек этот край показался мне пустым.

Пустота пугала своей бесконечностью.

Часть была больше, чем в Сибири.

Нам сразу дали дом.

Точнее часть большого дома-креста с четырьмя входами в отдельные помещения.

Цель и назначение такого интересного решения постройки дома мы так и не узнали.

Через месяц после приезда мать привезла сестру Оксану.

Почти четыре года она жила в Ярославле.

Теперь приехала в глухую степь, где до школы нужно идти в ближайший посёлок несколько километров, через ветер, мороз, пыль в глаза.

С утра был дождь, колею размыло, и они задерживались.

Из машины вышла девочка.

Я не знал её, но ждал встречи.

Топтался на месте и не знал, куда деть руки, то улыбался, то смотрел на отца.

От волнения тело дёргалось сильнее.

Подъехал КРАЗ, весь в налипшей грязи.

Мать вышла из машины и руководила выгрузкой дочери, чтобы она не испачкалась.

Девочку поставили на землю, с недовольным видом она осмотрела местность и дом.

В её глазах была смесь тоски, страха и любопытства.

Мать за руку привела её к месту, где стояли мы с отцом.

Мать отстранилась, отошла на шаг.

Оксана посмотрела на мать, перевела взгляд на меня.

Шагнул ей навстречу, она, не отвернувшись от меня, пошла к матери.

— Это твой брат, Ёжик, — сказала мать Оксане, повернула её ко мне.

Оксана взглянула.

Я только хотел шагнуть и обнять её.

Она резко повернулась, не отводя от меня взгляд, пошла в дом.

Жили мы четверо в одной комнате с маленькой кухней и удобствами на улице.

Ангар не использовали, и внутри него можно было играть в любое время года.

Изнутри он казался огромным, несколько метров в высоту, его космический вид будоражил воображение.

Представлял, как на огромной ракете, похожей на КРАЗ, лечу в черноту космоса.

Особенно воображение разыгрывалось вечером, звёзды были видны рано, света на земле почти не было.

Смотрел на них, руки и ноги танцевали известный хорее танец, мечтал о полёте подальше от Земли.

Потом я засыпал и просыпался снова на Земле.

Летом 1984 года вышел на улицу и играл во дворе.

Собирал железные детали в придуманные узоры.

Взял очередную железку и не сразу понял, что происходит.

Гул сначала был чуть сильнее звука завывающего ветра.

Оксана, не понимая, что за звук, выбежала из дома узнать причину.

Он летел низко, так низко, что можно было рассмотреть самолёт в подробностях.

Этот грохот, разрывающий пространство, запомнил на всю жизнь.

Самолёт заходил на наш дом, другой на второй дом-крест, третий на следующий.

Весь мир в этот момент дрожал, пространство заполнилось оглушающим рёвом, небо закрылось геометрией самолёта.

Оксана посмотрела на меня, от страха тело задёргалось сильнее.

Подошла, взяла за руку, чтобы отвести в дом.

Не понимал, зачем это происходит, почему они так низко летают.

Вцепился в руку Оксаны.

Мы сели.

Он несся на нас, после плавно набирал высоту.

Сделав несколько заходов, они улетели, а мы сидели на земле, трясясь всем телом от произошедшего.

Мать пришла домой, к ней подбежала Оксана.

— Мама, сегодня прилетали самолёты. Они так низко летели, нам было очень страшно.

Мать долго смотрела на Оксану, мельком взглянула на меня.

— Какие ещё самолёты?

— Огромные, мама, они неслись на наш дом с оглушающим рёвом.

Оксана потянула руки к ушам.

— Я подумала, что дом рушится, и выбежала. Потом мы на земле сидели от страха.

— Когда это было?

— Днём, в обед. Он играл на улице.

Она указала на меня.

Я начал кивать.

Мать подошла к Оксане, обняла её, гладила по голове.

Посмотрела на меня, отвела взгляд.

Моё тело дёргалось сильнее обычного.

Она поцеловала Оксану в лоб.

Лицо её раскраснелось.

Зашёл отец.

— Сколько можно это терпеть? — заорала мать, оборачиваясь к отцу.

— Что случилось?

— Всё случилось. Жизнь в этой дыре. Из одной глуши в другую. Я в бочке жила, удобств нет.

Отец смотрел на неё молча.

— Дети. — Отец кивнул на нас, посмотрел на неё.

— Вот именно, что дети. — Она тряслась от злости.

— Живём в хлеву. Оксану привезла в эту глухомань. Ребёнок в школу пешком по степи ходит. Она девочка, не должна так жить.

— Что ты предлагаешь?

Он начал раздеваться.

— Предлагаю. — Заорала она, красная от ярости.

Она вцепилась в него взглядом.

— Ты что предлагаешь? Это ты у нас мужик!

Она развернулась, пошла к плите, схватила сковородку и бросила в угол.

— Мало того, что условий нет. Живём в дерьме, так ещё детей напугали. Вечно в дороге, вечно в грязи, в морозе. Больные все.

— Что случилось, Нина?

— Случилось то, что нахрена я за тобой таскаюсь? Заберу детей и уеду отсюда.

Она посмотрела на Оксану.

— Вот посмотри, что ты сделал! — Она кивнула в мою сторону, продолжая смотреть на него.

— Сделай уже хоть что-нибудь.

Отец не посмотрел на меня, молчал.

Он держал в руке фуражку, так и не повесив.

— Самолёты прилетали. Детей напугали.

Она сделала быстрый шаг к двери, отодвинула отца, схватилась ладонью за лицо и вышла.

На следующий день отец пошёл к командиру.

Что он ему говорил, какими словами, не знаю, но последствий было два.

Самолеты прилетали ещё пару раз и перестали.

Командир посоветовал шамана, который мог вылечить болезнь.

Сейчас трудно представить, что было в голове родителей, какие мысли, сомнения и противоречия их одолевали, но к шаману меня повезли.

Шаман приказал оставить меня на несколько суток и отправил их домой.

Мать не соглашалась уезжать и требовала своего присутствия на обряде.

Шаман посмотрел на неё и сказал: либо на моих условиях, либо забирайте сына и уезжайте.

Она ещё сделала несколько попыток, но шаман был непробиваемым.

Родители уехали.

До вечера мы ничего не делали.

Ели, я осматривался в его владениях: юрте посреди степи и небольшом стаде в загоне.

Трогал овец. Их шерсть была такая необычная, не как у свиней.

Водил пальцами по скрученным волоскам, ощущал тепло их тел.

Овцы блеяли и пустыми глазами смотрели на дёргающегося мальчика.

Вечером шаман взял меня за руку, повёл в степь, мы шли долго, остановились на ничем не примечательном участке.

Шаман достал лопату, вырыл вертикальную яму в мой рост.

Смеркалось.

Он велел раздеться до трусов и лезть в яму.

Было страшно, очень страшно, я плакал.

Мурашки бегали, тело тряслось.

Аккуратно спускался в яму, руки скользили по стенкам.

Земля осыпалась, с шумом падала на дно.

Он помог залезть в яму.

Шаман закапывал меня, оставив голову над землёй.

Я был парализован тяжестью земли.

Почва в степи сухая, каменистая, но на этом участке она была более жирной, поэтому именно сюда шли так долго.

Не осознавал, что было хуже, не контролировать себя в движениях, танцуя всем телом или вообще не уметь двигаться.

Стемнело.

Полная Луна освещала степь.

Шаман стал единственным живым ориентиром, проводником самой жизни.

В земле было тепло, но ветер над землёй холодил лицо.

Костёр неподалеку не давал тепла, но потрескивал, чем успокаивал.

Языки пламени, лунная ночь, свистящий ветер, звёзды в чёрном небе, были немыми свидетелями обряда.

Он, напевая себе под нос, стучал в барабан.

Инструмент гремел, звук был объемным, казалось, сама степь подыгрывала ему.

Его танец на фоне пламени был тенями на стене, будто кто-то показывал кукольное представление.

Сюрреализм происходящего нарастал, и шаман стал поить меня кровью животных со своих ладоней.

Он зачёрпывал кровь рукой и разбрызгивал вокруг, отирал моё лицо.

Вязкая жижа стекала по лбу и щекам, всё моё детское существо оторопело.

Желал вырваться из сдавившей земли, разорвать в клочья каждый комочек, что прилипал ко мне.

Достать руки и вытереть пахнущую субстанцию с щек.

Но сколько ни пытался, тело оставалось неподвижным, а кровь каплями падала с лица на землю.

Шаман усиливал пение.

То внезапно кричал, то его голос становился очень низким.

Он то опускался ко мне, то резко вставал и отбегал.

Шок, страх и ужас, который я испытывал в момент обряда, сложно передать словами.

Грохот барабана давил на уши.

Бум, бум, бум.

Закрыл глаза, звук стал миром.

В барабане я слышал степь, животных, звёзды.

Сердце подстраивалось под ритм.

Мне не было ещё четырёх лет, а мир познакомил меня с трупами, болезнью и жуткими обрядами.

Я терялся в забытьи, виделись галлюцинации, отключался.

В какой-то момент обряда показалось, что земля ожила и со всех сторон тянет меня.

Потом потянула за ноги, я ушёл под землю с головой, очнувшись, понимал, что этого не было.

Может, поэтому я вырос с пониманием, что всё из земли и в землю уйдёт.

Когда торчит одна голова, вокруг камлает шаман, ветер разносит его песни и крики по степи, а звёзды наблюдают сверху, мир исчезает, жизнь исчезает.

Не понимал, где нахожусь, только голова над степью была настоящей.

Дискомфорт ушёл, я растворился, потерял счёт времени.

На неопределённое время сам стал всей Землёй.

Его сильный взгляд в памяти, его голос в ушах, прошло уже много лет, сцена с шаманом над моей головой приходит во снах.

Под утро он выкопал меня, идти не мог.

Он нес меня на руках.

Впереди было ещё несколько ритуалов, но они не запомнились так ярко, как первый.

В одном из ритуалов он положил на голову череп волка и поливал кровью.

Водил вокруг головы горящей головёшкой.

Едкий дым окутывал, слезились глаза, впадал в транс.

Моё тело потело, потом бил озноб.

Земля сдавливала, было трудно дышать.

Пальцами ковырял землю, ноги становились корнями деревьев.

Физически ощущал, как они прорастают в землю.

В одном из обрядов шаман сел на землю так, чтобы я его видел.

Поджигал пучки трав и с напевами аккуратно дул на дым.

Запахи были разные.

Иногда трава была горькой, другая со сладостью.

Всё закончилось.

Родители приехали, забрали меня.

Пусть потомки шамана будут здоровы.

Через некоторое время после последнего ритуала хорея пошла на убыль.

Болезнь стала отступать не сразу, постепенно, но рывки стали менее интенсивными, дергалось не всё тело, только плечи, глаза и ноги.

Не знаю, что помогло. Земля. Ритуал. Стечение обстоятельств. Я не советую это никому.

Через несколько дней играл во дворе, захотел попить, забежал домой.

Оксана с матерью разговаривали в комнате.

Увидев меня, они прекратили, мать вышла на кухню.

Единственное, что услышал, это слова Оксаны:

— Ты любишь его больше, чем меня.

Она стояла у окна и смотрела в степь.

Я знал, что она чувствует.

Знал, потому что тоже чувствовал это.

Но между нами были долгие годы разлуки.

Время, которое она прожила без любви матери.

И я, который все эти годы был в центре внимания.

Мы стояли в маленькой комнате, но между нами была степь.

Такая же, как за окном.

Огромная, пустая, с пронизывающим всё ледяным ветром.

Глава 4. Хотошо. 1984 — 1985 годы

Непрекращающийся ветер, однообразная природа и отсутствие развлечений растягивали дни.

Осенью 1984 года Оксана ушла в школу. Родители на работу. Я один.

В посёлок запрещали ходить одному.

Да и делать там было нечего, общение с местными не задалось по известным причинам.

В самой части детей было немного.

Дети военных воспринимали меня спокойно.

Их родители провели инструктаж, но играть со мной их заставить было невозможно.

Они сторонились меня, и друзей не было.

Время проводил либо во дворе, либо в ангаре.

Во двор отец принёс всякий хлам: шланги, лестницы, ведра.

Из этого мусора строил отдельный дом.

Не дом даже, а скорее будку.

В один из дней пошёл в ангар, долго там играл один.

В ангар свозили сломанную технику и ненужные запчасти.

Для самостоятельного почти пятилетнего мальчика там было чем развлечься.

Разбирал технику, крутил механизмы, придумывал игры в лабиринтах поставленных приборов.

Когда уже собирался домой, увидел в дверях собаку.

Инстинктивно вжался и спрятался за приборы.

В Сибири жила маленькая собачка, но эта казалась мне лошадью.

Огромная дворняга, выше меня, с тяжелой челюстью и сильным торсом, медленно приближалась.

Сердце выпрыгивало, бежать было некуда.

Страх сковал мышцы.

Вцепившись руками в стоявший прибор, оцепенел, смотрел на приближающуюся собаку.

Дыхание участилось, в висках стучало.

Пёс подошёл, не произнося ни звука, стал обнюхивать.

Побелевшие костяшки пальцев, стук сердца, завывание ветра снаружи и молчаливый пёс.

Я мог кричать, но никто бы не услышал.

Ангар не дал бы крику выйти наружу, а долетевший звук унёс бы ветер. Я этого не осознавал, но и не стал кричать.

Всё тело одеревенело, и только глазами следил за собакой.

Он обнюхал. Огромной головой упёрся в меня. Подтолкнул к выходу.

Стоял как вкопанный, ожидая, что сейчас съедят.

Пёс посмотрел на меня, толкнул ещё раз, потом он повернул голову к рукам и лизнул их.

Поднял морду к моему лицу, воздух из его ноздрей щекотал кожу.

Посмотрел, после снова лизнул руки.

Гавкнул, его голос звучным эхом пронёсся по ангару.

Время застыло, сколько так стоял, неизвестно, но огромный пёс добился своего.

Взглянул в его глаза, он мотнул головой ещё раз.

Пошёл к выходу под его полным контролем и властью.

Собака шла сзади, иногда толкая носом, мы направлялись домой.

Недалеко от дома была лавка, сбитая из обтёсанных брёвен.

Она сильно выделялась в степи, где лишь островками росли хилые деревья, здесь же были явно привезённые брёвна.

Лавка стояла как памятник, как напоминание о других местах, где есть большой лес.

Сел на лавку, собака посмотрела на меня и положила голову на ноги.

Его голова вполовину моего тела камнем придавила колени.

Он громко дышал, поглядывал на меня, я осторожно положил руку и погладил.

Ему это понравилось, он резко подскочил, пробежал вокруг скамейки несколько кругов и вернулся.

Приближался вечер, нужно было идти домой, собака шла со мной.

— Ёжик привёл собаку, — сказала мать отцу. — Нужно оставить его.

— Сооруди ему будку. Нужно назвать его как-то.

— Хотошо, — сказал отец, посмотрев на пса. — Здесь так многих собак называют.

Отец сделал будку, назвали его Хотошо, и зажили все вместе.

Мы с Хотошо стали лучшими друзьями.

Всё свободное время играл с псом.

Хотошо охранял, не подчёркивал мою неполноценность.

Он бегал, играл и готов был сражаться за меня.

Хотошо был сильный и умный пёс.

Если отклонялся от маршрута, забредал далеко в степь, перекрывал дорогу и гнал домой.

В степи потеряться трудно, она просматривается на многие километры, но волки, лисы и орлы представляли реальную угрозу.

Хотошо был мощным, возможно помесь волкодава, очень сильным, он мог бегать часами и не уставать.

Основное время проводил в ангаре, пёс вместе со мной, оберегал.

Я очень полюбил Хотошо, часто не могли загнать домой, потому что обнимал, тискал собаку, а он в ответ прыгал вокруг и лизал своим шершавым языком.

Ко всем остальным Хотошо относился спокойно.

Его внутренняя сила чувствовалась.

Без причины он не подавал голос.

Если злился, то врастал лапами в почву, и шерсть вставала дыбом.

Его мощная челюсть с острыми большими зубами пугала даже в спокойном состоянии.

Когда он рычал и скалил зубы, в нём просыпалась сила мощного зверя.

Оксану он недолюбливал, иногда смотрел, будто предупреждал:

— Не делай моему другу ничего плохого.

В посёлке было много домашних животных.

Там было молоко, сыр, масло, которые можно было поменять или купить.

Хотошо сопровождал мать по пути в посёлок.

Зима 1984 года была суровая, ветры продували любую одежду.

Кутались полностью, на шапку вязали шерстяной платок.

Видимость плохая.

Волки выли, обитали поблизости, могли напасть.

Хотошо знал своё дело, на мать ни разу не напали.

Жёны собирались группой, брали Хотошо с собой, шли за продуктами.

Он знал, когда возвращается отец, всегда выбегал встречать.

Так Хотошо стал не только моим лучшим другом, но членом семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.